

Для цитирования: Руденкин Д. В.
Интернет-зависимость российской молодежи:
миф или реальность? // *Социум и власть*. 2019. № 4 (78). С. 16—28.

УДК 316.776

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?¹

Руденкин Дмитрий Васильевич,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
доцент кафедры интегрированных
маркетинговых коммуникаций и брендинга,
кандидат социологических наук
Российская Федерация,
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru

Аннотация

В статье подвергается эмпирической проверке распространенное в научной литературе предположение о формировании у представителей современной российской молодежи интернет-зависимости. Автор отмечает, что несмотря на большое число и разнообразие российских исследований в этой области, истинная распространенность интернет-зависимости среди молодых россиян вызывает определенные сомнения. Проблема в том, что та исследовательская практика, которая сложилась в России, нередко строится на допущении, что о наличии у молодежи интернет-зависимости может

говорить сама привычка молодых людей проводить в Интернете значительное время. Полемизируя с таким подходом, автор стремится прояснить точное понимание интернет-зависимости и проверить, насколько ее признаки прослеживаются в реальном интернет-поведении современной российской молодежи. В ходе теоретико-методологического анализа автор проясняет те признаки, которые могут быть характерны для человека с интернет-зависимостью. Обращаясь к материалам собственного социологического опроса среди молодежи г. Екатеринбурга (N = 1766), автор проверяет, в какой степени эти свойства могут прослеживаться в реальном интернет-поведении молодых людей. Ключевой вывод статьи — в том, что рассуждения о существовании устойчивой интернет-зависимости российской молодежи несколько преувеличены. Многие из молодых россиян действительно стали активными пользователями Интернета и проводят в нем много времени. Тем не менее явных и очевидных признаков патологической неспособности обойтись без Интернета у большинства из них нет.

Ключевые понятия:

Интернет,
интернет-зависимость,
информационное общество,
молодежь,
социологический опрос.

¹ Исследование выполнено в рамках реализации проекта, поддержанного грантом РФФИ (проект № 16-29-09512).

Введение

Даже поверхностный анализ актуальной научной литературы показывает, что тема интернет-зависимости молодежи становится одной из наиболее популярных в российских ювенологических исследованиях. Концептуальные работы таких авторов, как А. Г. Соломонова и Д. А. Данилов [13], О. В. Зарецкая [5], И. В. Лысак [9], показывают, что отечественные исследователи не только проявляют выраженный интерес к зависимости молодежи от Интернета, но и разрабатывают собственные подходы к анализу этого явления. А многочисленные эмпирические исследования (представленные, например, в работах Е. Г. Гайнцева [4], М. Б. Колесниченко и В. В. Колупаевой [6], Д. Г. Кулиной [8] и других) говорят о том, что отечественной социально-гуманитарной наукой накоплен значительный объем данных, которые могут использоваться для описания проявлений интернет-зависимости молодых людей и прояснения причин, по которым она формируется. Иначе говоря, существование интернет-зависимости российской молодежи принимается в отечественной науке как объективный факт и становится объектом довольно многочисленных и тематически разнообразных исследований. Вместе с тем, несмотря на большое число и тематическую многогранность подобных исследований, существует еще довольно много вопросов об интернет-зависимости российской молодежи, ясного понимания которых пока не сложилось. И один из ключевых таких вопросов заключается в том, насколько корректной является сама постановка вопроса об интернет-зависимости нынешних молодых россиян? Устоявшаяся практика исследований строится на допущении существования такой зависимости и нацелена на понимание причин ее формирования и типических симптомов. Но правы ли мы, когда утверждаем, что такая зависимость в принципе существует?

С одной стороны, причины, по которым российская социально-гуманитарная наука так настойчиво ставит вопрос об интернет-зависимости молодежи, лежат на поверхности. Актуальные исследования показывают, что нынешние представители российской молодежи, годы взросления которых пришлись на период стремительной цифровизации общества, гораздо сильнее прежних поколений привыкли пользоваться Интернетом и ежедневно используют его для решения множества задач. Они начинают пользоваться Интернетом рано: впервые

заходя в виртуальное пространство еще в 4—5 лет, многие из них уже к 10—11 годам привыкают делать это ежедневно¹. В итоге доля активных пользователей Интернета среди россиян в возрасте 18—24 лет, по оценкам аналитиков, уже сейчас превышает 90 % и склонна к росту [11, с. 22]. И молодые россияне не просто посещают Интернет каждый день, но и привыкли использовать его сразу во многих направлениях. Более 70 % из них регулярно используют Интернет для банковских операций и покупок², 65 % предпочитают узнавать из него новости³, а не менее 40 % любят проводить в нем свое свободное время⁴. В своих прежних работах мы отмечали и еще одну тенденцию: Интернет постепенно становится для большинства российской молодежи более привлекательным инструментом общения, чем личные встречи или телефонные разговоры [12, с. 46]. Интернет очень органично вплетен в ту повседневную реальность, которая привычна большинству российской молодежи. Поэтому с морально-этических позиций вполне понятно, почему многие исследователи высказывают беспокойство и рассуждают о формировании у российской молодежи зависимости от Интернета.

С другой стороны, не вполне понятно, корректны ли подобные рассуждения об интернет-зависимости российской молодежи с формальных и методологических позиций. Сам термин «зависимость» довольно сложный, и он требует деликатного обращения. В рамках психологических исследований зависимость чаще всего определяется как некое навязчивое желание человека повторять определенный паттерн поведения даже в том случае, если воспроизводство этого паттерна препятствует его нормальной жизни [10, с. 6]. Соответственно, если мы говорим о формировании интернет-зависимости у представителей некой социальной группы, то фактически мы подразумеваем, что представители этой группы патологически не способны отказаться

¹ Детский Рунет — 2018 : отраслевой доклад. URL: <https://internetinstitute.ru/detskii-runet-2018-otraslevoi-doklad> (дата обращения: 12.08.2019).

² Цифровизация услуг в России: уже на пороге : опрос // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9667> (дата обращения: 12.08.2019).

³ Интернет против телевидения: битва продолжается : опрос // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения: 12.08.2019).

⁴ А на досуге мы танцем буги-вуги? : опрос // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116559> (дата обращения: 12.08.2019).

от постоянного активного использования Интернета даже в ситуации, когда это создает для них какие-то объективные сложности [3]. Большой уверенности в том, что подобное описание применимо ко многим представителям российской молодежи, у нас нет. Действительно, актуальные исследования показывают, что российская молодежь привыкла активно пользоваться Интернетом и решать с его помощью многие повседневные задачи. Но достаточно ли этого для того, чтобы говорить о существовании у ее представителей именно зависимости, то есть, по сути, навязчивого желания пользоваться Интернетом даже вопреки тем сложностям, которые это может создать? Неясность ответа на этот вопрос и заставляет нас сомневаться в корректности рассуждений об интернет-зависимости молодых россиян.

В итоге можно говорить о том, что устоявшаяся практика исследований интернет-зависимости российской молодежи осложнена базовым методологическим противоречием. Многочисленные и тематически разнообразные исследования в этой области опираются на допущение, что многим молодым россиянам свойственно проявлять навязчивое стремление к использованию Интернета и неспособность отказаться от него в повседневной жизни. Но одновременно с этим обоснованность этого допущения вызывает сомнения. В данной работе мы намерены сделать один из шагов к преодолению этого противоречия. Обращаясь к материалам собственного социологического исследования, мы проследим особенности интернет-поведения современной российской молодежи для того, чтобы оценить, насколько обоснована постановка вопроса о существовании у ее представителей интернет-зависимости.

Проблема интернет-зависимости в научной литературе

Концептуально вопрос о том, существует ли у российской молодежи интернет-зависимость, во многом упирается в то, какой именно смысл мы вкладываем в само это понятие. Выше мы уже отмечали: в наиболее общем виде под интернет-зависимостью можно понимать патологическую неспособность человека отказаться от использования Интернета даже в той ситуации, когда это создает явные сложности в его жизни. Собственно, именно на такое понимание интернет-зависимости и опираются многие из тех исследований, которые проводились в последние годы в России. Однако пробле-

ма в том, что это довольно расплывчатое и эмпирически гибкое понимание. Что именно мы можем понимать под неспособностью человека отказаться от использования Интернета? Можем ли мы говорить о том, что человек неспособен отказаться от использования Интернета просто потому, что он привык проводить в виртуальном пространстве значительное время? Или же такая зависимость должна иметь какие-то иные, более глубокие и системные проявления, чем обычная привычка проводить в виртуальном пространстве много времени? Сложности с пониманием интернет-зависимости представителей молодежи (как, вероятно, и любых других людей) возникают потому, что ясный и общепризнанный ответ на эти вопросы в социально-гуманитарной науке пока отсутствует.

Собственно, та практика исследований молодежи, которая устоялась в России, часто (хотя и не всегда) тяготеет к довольно упрощенному пониманию зависимости от Интернета. Ревизия тех подходов, которые применялись в российской исследовательской практике, показывает, что интернет-зависимость молодежи, в понимании ряда отечественных авторов, заключается в том, что молодые люди привыкли проводить много времени в Интернете. Мы прослеживаем такое понимание в работах таких авторов, как М. Р. Арпентьева [1], И. П. Куликова [7], Т. В. Федченко, А. И. Квасенко [14] и др. Исследователи высказывают разные точки зрения по поводу того, какая интенсивность времени, проводимого в Интернете, говорит о существовании зависимости. Но сама идея о том, что привычка проводить в Интернете много времени свидетельствует именно в пользу существования такой зависимости, прослеживается в российских исследованиях отчетливо. Нам хотелось бы воздержаться в данном случае от каких-то излишне смелых обобщений и утверждений, будто вся российская наука привыкла видеть признаки интернет-зависимости молодежи исключительно в том, что молодые люди привыкли тратить значительное время на посещение Интернета. Однако все же заметно, что такое представление о сущности интернет-зависимости не только распространено в российской социально-гуманитарной науке, но и ложится в основу многих конкретных исследований молодежи.

При этом анализ актуальных зарубежных исследований показывает, что социологи из стран Европы и Америки не склонны видеть признаки интернет-зависимости молодежи в

самом факте ее активного вовлечения в интернет-коммуникацию. Результаты недавних исследований говорят о том, что европейская и американская молодежь пользуется Интернетом едва ли не более активно, чем российская [16] и часто тоже склонна относиться к нему как к главному источнику информации [28]. Тем не менее зарубежные исследователи относительно редко пишут об интернет-зависимости молодежи и скорее фокусируются на изучении тех возможностей, которые открывает привычка молодых людей активно пользоваться Интернетом. В научной литературе часто встречаются описания исследований, которые посвящены возможностям применения Интернета для работы с общественным мнением молодежи, причем в разных направлениях: для популяризации здорового образа жизни [17], улучшения качества образования [22], повышения гражданской культуры [23] и для решения целого ряда других задач. Конечно, нельзя сказать, что вопрос об интернет-зависимости молодежи в зарубежных исследованиях не ставится вообще — работы в этой области есть [27]. Но популярность и актуальность этой темы для исследователей отходят на второй план. Социологи чаще всего говорят именно о привычках использования Интернета представителями молодежи и довольно редко рассматривают эти привычки как признак зависимости.

Здесь надо отметить, что обоснованность отождествления высокой интернет-активности человека с наличием у него зависимости от Интернета вызывает сомнения и с точки зрения теории. Характерно, что в актуальных теоретических работах нередко высказывается мысль, что современные общественные реалии превращают привычку проводить много времени в Интернете из девиации в норму. Этот тезис напрямую обозначен, например, в работе австралийских социологов Н. Джонсона и Х. Кин, которые полагают, что реалии цифрового общества изначально вынуждают человека или проводить много времени в Интернете, или оказаться за бортом многих важных для себя процессов [20]. И надо признать, что логика в такой постановке вопроса действительно есть. Современный человек вынужден проводить в Интернете много времени в условиях активного внедрения информационных технологий в общественную реальность, что меняет привычные социальные процессы, вызывая их перемещение в виртуальное пространство [15]. Актуальные исследования показывают, что в Интернет все активнее перемещаются многие привыч-

ные для человека процессы: обучение [29], работа [19], политическая активность [26], общение [24] и даже поиск друзей и любви [25]. Поэтому фактически можно сказать, что слабое вовлечение в использование Интернета для человека в современных реалиях часто равноценно добровольной изоляции от многих важных сторон жизни. И та исследовательская практика, которая сложилась в других странах, говорит о том, что зарубежные социологи действительно не склонны усматривать какую-то патологию в том, что люди активно пользуются Интернетом.

В целом, как мы полагаем, в современной социально-гуманитарной науке устоялось представление о том, что интернет-зависимость — широкое и многогранное явление, которое не следует отождествлять с обычной склонностью человека проводить в Интернете значительное время. Вероятно, в силу определенной новизны темы и некоторого консерватизма отдельных авторов, российская наука пока бывает склонна как раз к отождествлению значительного времени, которое человек проводит в Интернете, с наличием у него зависимости от Интернета. Но в целом такое понимание является аналитически уязвимым и имеет в науке довольно малое распространение. Актуальные зарубежные исследования строятся на рассмотрении интернет-зависимости как сложного и глубокого явления, проявления которого могут выходить далеко за пределы обычной привычки пользоваться Интернетом каждый день и проводить в нем значительное время.

В научной литературе высказывались разные точки зрения на то, какие это могут быть проявления. Например, К. Янг считала, что интернет-зависимость предполагает склонность человека подменять реальные формы социальной активности их виртуальным суррогатом в Интернете [30]. Другой исследователь, Д. Кардефельт-Винтхер, отмечал, что одно из ключевых проявлений зависимости от Интернета — эмоциональная деформация: Интернет начинает рассматриваться человеком как главный источник положительных эмоций [21]. Получил определенное распространение и подход, который формулировал в своих трудах М. Гриффитс: согласно его логике, типичское проявление интернет-зависимости — стремление человека к использованию Интернета в тех ситуациях, которые сами по себе этого не требуют [18]. Разумеется, мы не ставим себе амбициозной цели перечислить все подходы к описанию интернет-зависимости, сложившиеся в социально-

гуманитарной науке. Решение столь глобальной задачи вывело бы нас далеко за пределы того объема, который уместен для жанра научной статьи. Однако даже краткий обзор актуальных теоретических работ показывает, что в понимании интернет-зависимости есть некоторые сложности. Признавая, что интернет-зависимость является сложным и многогранным явлением, которое не следует отождествлять с обычной привычкой регулярно пользоваться Интернетом, наука тем не менее не имеет устоявшегося представления о тех частных проявлениях, которые могут быть свойственны такой зависимости.

Вероятно, один из наиболее комплексных подходов к пониманию интернет-зависимости был представлен в недавней работе С. Н. Варламовой, Е. Р. Гончаровой и И. В. Соколовой. Авторы дистанцируются от того узкого подхода к пониманию интернет-зависимости, который часто прослеживается в отечественных исследованиях и о котором мы подробно рассуждали выше. В своем исследовании они подчеркивают, что интернет-зависимость нельзя отождествлять с обычной привычкой проводить много времени в Интернете, и настаивают на необходимости более глубокого определения. Собственно, интернет-зависимость в их работе определяется как *«негативное социальное явление, характеризующееся чрезмерным временем нахождения пользователя в Интернете вне рамок рабочих/учебных задач, а также эмоциональной зависимостью от пользования сетью, приводящей к отрицательным трансформациям социальных связей пользователя и существенному ухудшению его образа и качества жизни»* [2, с. 168]. На наш взгляд, предложенное ими определение оказалось не только комплексным, но и перспективным для использования в эмпирическом анализе. Поэтому далее мы будем опираться именно на такое понимание интернет-зависимости.

Безусловно, понимание интернет-зависимости, предложенное в работе С. Н. Варламовой, Е. Р. Гончаровой и И. В. Соколовой, может иметь некоторые аналитические уязвимости и подвергаться определенной критике. Выше мы уже отмечали, что взгляды социально-гуманитарной науки на суть интернет-зависимости сейчас очень разрознены. И очевидно, что в условиях настолько сильных расхождений во взглядах этому определению (как и любому иному) сложно претендовать на универсальность и окончательность. Понимая это, мы признаем, что интернет-зависимость может быть опреде-

лена и как-то иначе, чем это предлагают С. Н. Варламова, Е. Р. Гончарова и И. В. Соколова. Но мы полагаем, что предложенное ими определение обладает значительной эвристической ценностью и будет плодотворной базой для того исследования интернет-зависимости российской молодежи, которое мы задумали.

Привлекательность этого подхода к описанию интернет-зависимости — не только в том, что авторы настаивают на принципиальной невозможности сводить это явление к привычке проводить много времени в Интернете. Сама логика предложенного определения эмпирически конкретна: в нем отражены сразу несколько частных признаков, по наличию или отсутствию которых можно судить о формировании интернет-зависимости. Непосредственно из определения можно выделить следующие признаки: склонность проводить в Интернете значительное время; избыточное нахождение в Интернете вне рамок рабочих и учебных задач; эмоциональная зависимость, способная приводить к трансформации социальных связей. Более того, авторы провели апробацию своего определения в ходе собственного эмпирического исследования, тем самым показав работоспособность этих индикаторов.

Иными словами, опираясь на подход, предложенный С. Н. Варламовой, Е. Р. Гончаровой и И. В. Соколовой, мы получаем возможность перевести на эмпирический уровень умозрительные дискуссии о наличии или отсутствии у российской молодежи интернет-зависимости. Фактически для того, чтобы понять, существует ли такая зависимость, нам нужно лишь провести эмпирическую диагностику и выяснить, присущи ли российской молодежи те признаки интернет-зависимости, о которых шла речь выше.

Ниже мы расскажем о результатах такой эмпирической диагностики.

Методология исследования

Эмпирической базой, на которой мы будем основывать свой анализ, стали данные социологического опроса, проведенного нами в 2018 г. среди молодежи г. Екатеринбурга.

Опрос был реализован в форме раздаточного анкетирования в первой половине 2018 г. и стал одной из частей проекта «Интернет как инструмент формирования психологической готовности молодежи к экстремистскому поведению», который выполняется на базе Уральского государственного педагогического университета.

Ключевой целью опроса было выявление закономерностей Интернет-поведения российской молодежи, которые могут делать ее уязвимой перед экстремистским контентом, распространяемым в виртуальном пространстве. Поэтому при реализации опроса был собран значительный объем данных, на основе которых можно судить как о закономерностях поведения молодых людей, так и о факторах, от которых они зависят. Соответственно, материалы данного опроса удобны для диагностики у молодежи интернет-зависимости. Данные, собранные в ходе этого опроса, многогранно раскрывают тенденции Интернет-поведения молодых людей, поэтому по ним можно относительно достоверно судить о наличии или отсутствии тех признаков интернет-зависимости, о которых шла речь выше.

Всего в ходе исследования были опрошены 1766 представителей молодежи города в возрасте 18—24 лет. В основе их отбора лежала квотная модель выборки, которая базировалась на критериях пола, возраста и района проживания молодых людей. Размеры квот были определены с опорой на официальные статистические данные о половозрастной структуре населения города на январь 2018 г.

Данные, собранные в ходе анкетирования, были обработаны в статистической программе Vortex 8.0.

Результаты исследования и обсуждение

Анализ данных, собранных в ходе опроса, позволяет сделать несколько примечательных выводов об особенностях интер-

нет-поведения молодых и их возможной зависимости от Интернета. Для соблюдения цельности работы при характеристике результатов анализа мы последовательно остановимся на выраженности в интернет-поведении молодых людей каждого из признаков зависимости от Интернета, упоминавшихся выше: склонности проводить в Интернете значительное время; избыточного нахождения в Интернете вне рамок рабочих и учебных задач; эмоциональной зависимости.

Начнем с интенсивности времени, которое молодежь проводит в Интернете. Анализ показывает, что в целом молодые люди действительно склонны пользоваться Интернетом регулярно и проводить в нем значительное время. 97,2 % опрошенных заходят в Интернет каждый день, причем в среднем они тратят на его посещение не менее 3 часов ежедневно. Структура того времени, которое они проводят в Интернете, довольно неоднородна (табл. 1). Есть сайты, которые молодые люди посещают ощутимо чаще, чем другие: те же социальные сети, например, явно становятся более посещаемыми ресурсами, чем учебные сайты или видеохостинги. Но при этом нельзя сказать, что существуют какие-то разновидности сайтов, которые молодые не посещаются вовсе. В целом видно, что активность молодежи в использовании Интернета регулярна и довольно велика. Примечательно, что такие интенсивность и регулярность использования Интернета в молодежной среде, вероятно, обладают относительно универсальным характером: анализ говорит о том, что ответы опрошенных на соответствующие вопросы крайне мало зависят от их пола,

Таблица 1

Структура времени, которое опрошенные проводят в Интернете (% от числа ответивших)

Сайты	Проводимое время					Итого
	Менее 1 часа	1—3 часа	3—6 часов	6—10 часов	Более 10 часов	
Новостные сайты	44,5	15,4	8,3	8,0	23,7	100,0
Социальные сети	11,1	22,5	32,5	22,6	11,3	100,0
Учебные / научные сайты	26,4	28,1	16,6	18,2	10,6	100,0
Игровые сайты	51,9	6,8	11,3	7,1	22,9	100,0
Интернет-магазины	76,5	17,5	4,9	0,6	0,5	100,0
Видео-хостинги	53,3	22,4	16,7	4,1	3,6	100,0
Биржи и сайты с вакансиями	80,4	10,2	6,8	1,2	1,3	100,0

образования, семейного положения и иных социально-демографических атрибутов. По сути, это говорит о том, что регулярность и интенсивность использования Интернета в равной степени характерны если не для всех молодых людей, то как минимум для явного большинства.

Иными словами, если бы мы придерживались упрощенного понимания интернет-зависимости и отождествляли ее с обычной привычкой проводить в Интернете значительное время, этих данных уже было бы достаточно для того, чтобы сказать, что большинство опрошенных молодых людей зависимы от Интернета. Так, в упомянутой работе С. Н. Варламовой, Е. Р. Гончаровой и И. В. Соколовой звучал тезис, что нахождение в Интернете более 3 часов в день чисто технически возможно рассматривать как критерий зависимости, пусть и слабой [2, с. 172]. Поэтому полученные данные вполне могли бы дать нам почву для подобных рассуждений: например, склонность трети опрошенных не менее 6 часов ежедневно тратить на социальные сети давала бы основания для утверждения именно о существовании у них зависимости. Тем не менее, этот вывод был бы слишком поверхностным и даже спекулятивным. Граница в 3 часа признавалась условной и самими С. Н. Варламовой, Е. Р. Гончаровой и И. В. Соколовой, поэтому они и предлагали брать во внимание не только время, которое человек проводит в Интернете, но и другие параметры. Сама по себе привычка проводить в Интернете много времени примечательна, но она не доказывает наличия зависимости. Для того чтобы понять, существует ли у человека интернет-зависимость, необходимо учитывать то, как именно он проводит вре-

мя в виртуальном пространстве. Поэтому остановим внимание на том, характерны ли для молодых людей два других признака зависимости: избыточное нахождение в Интернете вне рамок рабочих и учебных задач и эмоциональная зависимость

О том, что опрошенные склонны находиться в Интернете не только ради решения рабочих и учебных задач, можно судить уже по структуре времени, которое они проводят в Интернете. Очевидно, что учебные и научные сайты посещаемы, но молодые люди проводят на них заметно меньше времени, чем в социальных сетях или на сайтах новостей. То же самое можно сказать и про сайты с вакансиями: какая-то аудитория у них, безусловно, есть, но в общей структуре времени, которое молодые люди проводят в Интернете, они имеют довольно второстепенную роль. Столь своеобразная структура времени сама по себе говорит о том, что молодым людям часто свойственно использовать Интернет далеко не только для решения функциональных задач, связанных с обучением или работой.

Однако еще более показательны ответы, которые они дают на прямой вопрос: «Ради чего Вы чаще всего заходите в Интернет?» (рис. 1). Здесь примечательны как минимум два обстоятельства. Во-первых, характерно, что в среднем каждый из опрошенных назвал как минимум пять ответов на этот вопрос: это означает, что для большинства из них использование Интернета имеет многогранные причины, не сводимые к какому-то одному очевидному основанию. Во-вторых, заметно, что мотивация использования Интернета у большинства молодых людей связана с гедонистическими практиками, а не с выполнением каких-то

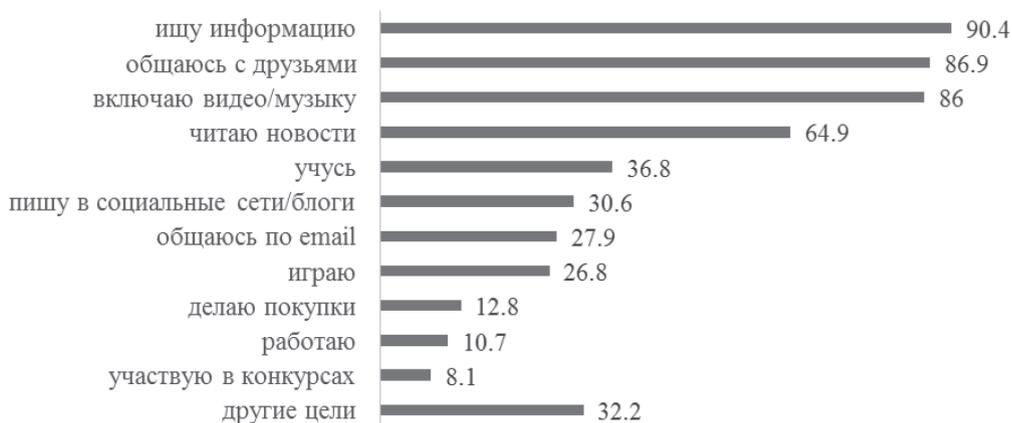

Рис. 1. Ради чего Вы чаще всего пользуетесь Интернетом? (% от числа ответивших)

рабочих и учебных задач. Самые популярные мотивы использования Интернета — поиск информации, потребление медиа-контента и общение. Нельзя сказать, что функциональная мотивация в полученных ответах отсутствует вовсе, но заметно, что она отходит на второй план. Судя по этим ответам, для большинства молодых людей Интернет — это в первую очередь площадка для общения и развлечения.

Собственно, такое распределение ответов также говорит в пользу того, что у молодых людей может существовать именно зависимость от Интернета. Как мы видим, большинство из них не просто привыкли регулярно посещать Интернет, но и пользуются им в первую очередь для развлечения, а не для каких-то задач, связанных с работой или учебной. Причем в данном случае тоже отсутствуют существенные расхождения в ответах респондентов с разными социально-демографическими параметрами: мотивация использования Интернета более или менее универсальна. Но все же выше мы говорили о большем числе критериев, которые важны для выявления интернет-зависимости. Поэтому не будем делать поспешных выводов: склонность проводить много времени в Интернете и готовность находиться в нем вне рамок рабочих и учебных задач не могут однозначно говорить о зависимости. Важно понимать, характерна ли для молодежи еще и эмоциональная зависимость от посещения Интернета.

Для того чтобы разобраться в том, характерна ли опрошенным такая зависимость, мы можем обратиться к нескольким показателям. Прежде всего здесь стоит обратить внимание на то, как молодые люди ответили на два проективных вопроса, ставящих их в ситуацию отсутствия Интернета и/или социальных сетей. В этих вопросах мы просили опрошенных представить себя в двух ситуациях, которые в той или иной степени будут ограничивать их возможности использования Интернета, и предположить, каким образом они бы себя повели в таких обстоятельствах:

Первая ситуация. Вы оказались в гостинице после долгой дороги, во время которой у Вас не было возможности пользоваться Интернетом. Администратор в гостинице сообщает Вам, что из-за технического сбоя гостиница не сможет предоставить Вам доступ к Интернету. Что Вы будете делать?

Вторая ситуация. На месте учебы или работы Вам разрешают пользоваться Интернетом, но блокируют возможность использования социальных сетей. Что Вы будете делать?

Ответы, которые молодые люди дают на эти проективные вопросы, примечательны (табл. 2—3). Фактически они говорят о том, что ситуация отсутствия Интернета и/или социальных сетей воспринимается ими как абсолютно непривычная. Судя по полученным ответам, лишь чуть больше трети опрошенных, оказавшись в одной из подобных

Таблица 2

Типическая реакция опрошенных на невозможность использования Интернета
(% от числа ответивших)

Варианты ответа	N	%
Найду другой способ развлечь себя	560	31,7
Буду искать другой путь, чтобы выйти в Интернет	265	15,0
Буду скучать: делать мне все равно будет нечего	914	51,8
Другие ответы	19	1,1
Затрудняюсь ответить	8	0,5
Итого	1766	100,0

Таблица 3

Типическая реакция опрошенных на невозможность использования социальных сетей
(% от числа ответивших)

Варианты ответа	N	%
Сосредоточусь на работе/учебе	686	38,8
Подключусь к соцсетям иначе — например, через телефон	180	10,2
Делать ничего не буду, но мне будет скучно в перерывах	873	49,4
Другие ответы	24	1,4
Затрудняюсь ответить	3	0,2
Итого	1766	100,0

ситуаций, смогут перестроить свои планы и обойтись без использования Интернета или социальных сетей. У остальных из них нет явного представления о том, каким образом провести время и чем заменить привычное использование Интернета. Справедливости ради следует сказать, что многие из них в подобной ситуации не будут ощущать какого-то острого дискомфорта или растерянности. Точнее всего их эмоции в подобной ситуации будет охарактеризовать как скуку: лишившись доступа в Интернет или социальные сети, многие из них просто не будут ясно понимать, чем именно им себя занять.

Но здесь важно обратить внимание и на тот факт, что, оказавшись в одной из подобных ситуаций, большинство молодых людей скорее смиряется с ней, чем станут искать какие-то альтернативные варианты доступа в Интернет или социальные сети. Среди них есть те, кто в таких обстоятельствах начнет искать другую возможность выйти в виртуальное пространство, но такие люди среди них составляют меньшинство. Процент таких людей оказывается несколько выше среди самых младших респондентов (18—20 лет) и среди мужчин, но даже среди этих подгрупп опрошенных он не превышает 20 %.

В целом можно сказать, что ситуация невозможности выйти в Интернет в целом и в социальные сети в частности большинством молодых людей ощущается именно как непривычная и непонятная, но не как проблемная. Навязчивое желание выйти в Интернет любой ценой в такой ситуации характерно будет только для меньшинства.

Отметим еще один факт, важный для понимания того, сложилась ли у молодых людей эмоциональная зависимость от Ин-

тернета. В ходе опроса мы спрашивали о том, приходилось ли респондентам чувствовать желание отказаться хотя бы на время от использования Интернета. Распределение ответов на этот вопрос (рис. 2) позволяет говорить о большинстве из них как о людях, умеренно утомленных использованием Интернета. Видно, что соответствующее желание приписывают себе более половины опрошенных. Чаще остальных такое желание приписывают себе респонденты-женщины и люди, которые оценивают свое материальное положение как «выше среднего». Но и во всех остальных подгруппах опрошенных доля тех, кто хотя бы раз испытывал такое желание, не опускается ниже 50 %.

Конечно, важно оценивать это распределение ответов трезво: речь идет не о готовой установке отказаться от использования Интернета, а именно о проявлении порыва это сделать, причем возможно, что разового и давнего. Но в данном случае показателен и такой импульсивный порыв. Возникновение такого порыва говорит о том, что Интернет не рассматривается большинством как единственное пространство для коммуникации, и многие даже рассматривали мысль сознательно отказаться от его использования. Они не исключают Интернет из своей жизни, но и не относятся к нему только как к комфортной среде, приносящей одни удовольствия и радость. Массовость таких установок среди опрошенных мешает нам говорить о сформированной эмоциональной зависимости молодых людей от Интернета.

Отметим также, что ответы на соответствующий вопрос дополняют реакцию на ситуации возможного ограничения доступа

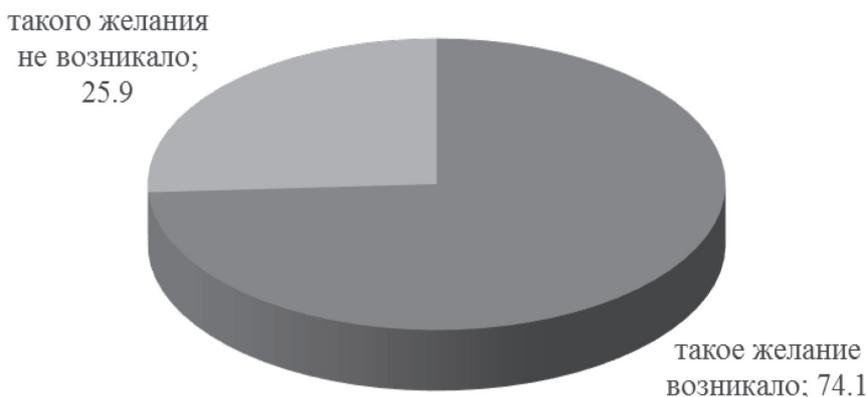

Рис. 2. Возникло ли у Вас желание отказаться от использования Интернета хотя бы на какое-то время? (% от числа ответивших)

в Интернет или социальные сети. Совокупный взгляд на эти показатели позволяет отметить, что большинство молодых людей действительно слабо представляют себе жизнь без Интернета, но скорее в силу укоренившейся привычки, а не в силу патологической эмоциональной зависимости. Большинство из них настолько привыкли к постоянному присутствию Интернета в своей жизни, что ситуация его недоступности (пусть и краткосрочной) с большой вероятностью вызовет у них растерянность. Но растерянность в данном случае, вероятно, отнюдь не тождественна сильному эмоциональному дискомфорту. Многие из них ощущают какие-то негативные эффекты влияния Интернета на свою жизнь и даже испытывали желание отказаться от его использования. Поэтому, на наш взгляд, говорить о наличии у них эмоциональной зависимости не стоит.

Подведем краткий итог исследования. Сколь бы эклектичными ни выглядели перечисленные выше показатели в отдельности друг от друга, совокупно они выстраиваются в довольно красноречивую характеристику модальностей интернет-поведения молодежи и многое говорят о том, есть ли у нее интернет-зависимость. Мы можем сказать, что как таковой зависимости от Интернета в поведении большинства из них не прослеживается. Правильнее сказать, что для формирования этой зависимости сейчас заложена благодатная почва. Молодые люди привыкли постоянно пользоваться Интернетом и тратят на его посещение очень значительное время. Более того, часто они заходят в Интернет вне рамок функциональных задач и воспринимают его в первую очередь как развлечение, «лекарство от скуки». Но при этом ограничение использования Интернета воспринимается большинством из них именно как что-то непривычное, но не как нечто дискомфортное. Они не привыкли жить без активного использования Интернета, но в принципе способны обойтись без него (по крайней мере, думают, что способны).

Заключение

На написание данной статьи нас вдохновило осознание противоречия, которое намечилось в актуальных исследованиях российской молодежи. Тема интернет-зависимости молодых россиян стала одним из наиболее популярных направлений таких исследований и регулярно оказывается в фокусе научного внимания. Но в то же вре-

мя ясной уверенности в том, что привычка пользоваться Интернетом превратилась у российской молодежи именно в патологическую зависимость, нет. В своей работе мы стремились разобраться в том, корректна ли исходная идея о том, что нынешние молодые россияне зависимы от Интернета.

Теоретико-методологический анализ показал нам, что в российской исследовательской практике распространен довольно упрощенный взгляд на суть интернет-зависимости: нередко под ней понимается обычная привычка пользоваться Интернетом каждый день и проводить в нем много времени. Однако истинная природа интернет-зависимости глубже и включает в себя не только активное и ежедневное использование Интернета. Подходы к определению такой зависимости в науке довольно разнообразны, но в целом к ее проявлению точно следует относиться как минимум три признака: помимо большого времени, проводимого в Интернете, сюда обязательно должны быть включены избыточное нахождение в Интернете вне рамок рабочих и учебных задач, а также эмоциональный дискомфорт при невозможности пользоваться Интернетом.

Опираясь на данные собственного социологического исследования, мы смогли проверить, характерны ли соответствующие свойства нынешней российской молодежи, и пришли к выводу, что заключение о формировании у нее явной интернет-зависимости несколько преувеличено. Правильнее на данный момент говорить скорее о формировании очень благоприятных условий для развития такой зависимости. Молодые люди привыкли проводить в Интернете много времени и посещают его чаще всего именно с целью развлечения, а не с целью решения каких-то рабочих или учебных задач. Но эмоциональная реакция на ограничение использования Интернета у большинства из них спокойна. Они именно привыкли пользоваться Интернетом. Это едва ли стоит считать полноценной зависимостью.

Впрочем, разумеется, мы бы хотели быть осторожными в своих выводах. Одно социологическое исследование, пусть и построенное на крупной выборке, явно мало для того, чтобы делать какие-то окончательные выводы о сути такого сложного и динамичного явления, как интернет-зависимость молодежи. Очевидно, что в дальнейшем анализе нуждаются и концептуальная сторона интернет-зависимости как явления, и конкретные проявления интернет-

зависимости у молодежи. Мы полагаем, что эти темы достойны того, чтобы стать предметом будущих исследований.

1. Арпентьева М. Р. Проблемы безопасности в Интернете: цифровая безпризорность как причина цифровой зависимости и цифровой преступности // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 3 (78). С. 99—110.

2. Варламова С. Н., Гончарова Е. Р., Соколова И. В. Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 2. С. 165—182.

3. Войскунский А. Е. Психологические исследования феномена интернет-аддикции // 2-я Российская конференция по экологической психологии : тез. докл. М. : Эксперт-центр РОСС, 2000. С. 251—253.

4. Гайнцев Е. Г. Мотивация интернет-пользователей, или Почему возникает зависимость от Интернета // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. С. 65—67.

5. Зарецкая О. В. Компьютерная и интернет-зависимость: анализ и систематизация подходов к проблеме // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9. № 2. С. 145—165.

6. Колесниченко М. Б., Колупаева В. В. Социальные аспекты интернет-зависимости молодежи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 97—105.

7. Куликова И. П. Проблема и профилактика интернет-зависимости среди молодежи // Интернаука. 2018. № 18-1. С. 26—27.

8. Кулина Д. Г. Формирование и развитие интернет-зависимости: факторы риска // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2016. № 1. С. 35—46.

9. Лысак И. В. Компьютерная и интернет-зависимость: эволюция подходов к исследованию проблемы // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4. С. 206—208.

10. Мехтиханова Н. Н. Психология зависимого поведения. Ярославль : Изд-во Ярослав. гос. ун-та, 2005. 122 с.

11. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15—33.

12. Руденкин Д. В., Руденкина А. И. Интернет в социальной реальности современ-

ной российской молодежи: тренды и риски // *Juvenis scientia*. 2019. № 1. С. 43—48.

13. Соломонова А. Г., Данилов Д. А. Зависимость молодежи от Интернета // Приоритетные направления развития науки и образования. 2014. № 3. С. 152—153.

14. Федченко Т. В., Квасенко А. И. Статистический анализ интернет-зависимости в современной молодежной среде // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2018. № 3. С. 117—120.

15. Curran D. Risk, innovation, and democracy in the digital economy // *European Journal of Social Theory*. 2018. Vol. 21. № 2. P. 207—226.

16. Eek-Karlsson L. Between responsibility and positioning: a study about young people's interactions in social media // *Young*. 2018. Vol. 27. № 1. P. 1—17.

17. Goodyear V., Armour K., Wood H. Young people and their engagement with health-related social media: new perspectives // *Sport, education and society*. 2019. Vol. 24. № 1. P. 673—688.

18. Griffiths M. Internet abuse and internet addiction in the workplace // *Journal of Workplace Learning*. 2010. Vol. 22. № 7. P. 463—472.

19. Jeske D., Shultz K. Using social media content for screening in recruitment and selection: pros and cons // *Work, Employment and Society*. 2015. Vol. 30. № 3. P. 535—546.

20. Johnson N., Keane H. Internet addiction? Temporality and life online in the networked society // *Time & Society*. 2015. Vol. 26. № 3. P. 267—285.

21. Kardefelt-Winther D. A conceptual and methodological critique of internet addiction research: towards a model of compensatory internet use // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 31. P. 351—354.

22. Kotevski Z., Milenkoski A. Are Free Internet Technologies and Services the Future of Synchronous Distance Learning? // *Turkish Online Journal of Distance Education*. 2018. Vol. 19. № 3. P. 4—14.

23. Mohamad B., Dauda S. A., Halim H. Youth offline political participation: trends and role of social media // *Jurnal Komunikasi, Malaysian Journal of Communication*. 2018. Vol. 34. № 3. P. 192—207.

24. Papsdorf C. How the Internet automates communication // *Information, Communication & Society*. 2015. Vol. 18. № 9. P. 991—1005.

25. Sotoudeh R., Friedland R., Afary J. Digital romance: the sources of online love in the Muslim world // *Media, Culture & Society*. 2017. Vol. 39. № 3. P. 429—439.

26. Stetka V., Surowiec P., Mazák J. Facebook as an instrument of election campaigning and voters' engagement: Comparing Czechia and Poland // *European Journal of Communication*. 2019. Vol. 34. № 2. P. 121—141.

27. Wąsiński A., Tomczyk L. Factors reducing the risk of internet addiction in young people in their home environment // *Children and Youth Services Review*. 2015. Vol. 57. P. 68—74.

28. Wood M., Bukowski W., Lis E. The digital self: how social media serves as a setting that shapes youth's emotional experiences // *Adolescent Research Review*. 2015. Vol. 1. № 2. P. 163-173.

29. Yadav R., Tiruwa A., Suri P. Internet based learning (IBL) in higher education: a literature review // *Journal of International Education in Business*. 2017. Vol. 10. № 2. P. 102—129.

30. Young K. The Evolution of Internet Addiction // *Addictive Behaviors*. 2017. Vol. 64. № 1. P. 229—230.

References

1. Arpentieva M.R. (2017) *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta*, no. 3 (78), pp. 99—110 [in Rus].

2. Varlamova S.N., Goncharova E.R., Sokolova I.V. (2015) *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no. 2, pp. 165—182 [in Rus].

3. Voyskunsy A.E. (2000) *Psikhologicheskiye issledovaniya fenomena Internet-addiktzii // Tezisy dokladov 2-y Rossiyskoy konferentsii po ekologicheskoy psikhologii*. Moscow, Ekopsit-sentr ROSS Publ., pp. 251—253 [in Rus].

4. Gayntsev E.G. (2015) *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, no. 2, pp. 65—67 [in Rus].

5. Zaretskaya O.V. (2017) *Psikhologo-pedagogicheskiye issledovaniya*, vol. 9. no. 2, pp. 145—165 [in Rus].

6. Kolesnichenko M.B., Kolupaeva V.V. (2017) *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, no. 1, pp. 97—105. [in Rus].

7. Kulikova I.P. (2018) *Internauka*, no. 18-1, pp. 26—27. [in Rus].

8. Kulina D.G. (2016) *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'ye, adaptatsiya, razvitiye*, no. 1, pp. 35—46. [in Rus].

9. Lysak I.V. (2017) *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 4, pp. 206—208. [in Rus].

10. Mekhtikhanova N.N. (2005). *Psikhologiya zavisimogo povedeniya*. Yaroslavl, Publish-

ing House of Yaroslavl State University Publ., 122 p. [in Rus].

11. Radaev V.V. (2018) *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 3, pp. 15—33 [in Rus].

12. Rudenkin D.V., Rudenkina A.I. (2019) *Juvenis scientia*, no. 1, pp. 43—48 [in Rus].

13. Solomonova A.G., Danilov D.A. (2014) *Prioritetnyye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 3, pp. 152—153 [in Rus].

14. Fedchenko T.V., Kvasenko A.I. (2018) *Sotsial'no-ekonomicheskoye upravleniye: teoriya i praktika*, no 3, pp. 117—120. [in Rus].

15. Curran D. (2018) *European Journal of Social Theory*, vol. 21. no. 2. pp. 207—226 [in Eng].

16. Eek-Karlsson L. (2018) *Young*, vol. 27, no. 1, pp. 1—17 [in Eng].

17. Goodyear V., Armour K., Wood H. (2019) *Sport, education and society*, vol. 24, no 1, pp. 673—688 [in Eng].

18. Griffiths M. (2010) *Journal of Workplace Learning*, vol. 22, no. 7, pp. 463—472 [in Eng].

19. Jeske D., Shultz, K. (2015) *Work, Employment and Society*, vol. 30, no. 3, pp. 535—546 [in Eng].

20. Johnson, N., Keane, H. (2015) *Time & Society*, vol. 26, no. 3, pp. 267—285 [in Eng].

21. Kardefelt-Winther D. (2014) *Computers in Human Behavior*, vol. 31, pp. 351—354 [in Eng].

22. Kotevski Z., Milenkoski A. (2018) *Turkish Online Journal of Distance Education*, vol. 19, no. 3, pp. 4—14 [in Eng].

23. Mohamad B., Dauda S.A., Halim H. (2018) *Jurnal Komunikasi, Malaysian Journal of Communication*, vol. 34, no. 3, pp. 192—207 [in Eng].

24. Papsdorf C. (2015) *Information, Communication & Society*, vol. 18, no 9, pp. 991—1005 [in Eng].

25. Sotoudeh R., Friedland R., Afary J. (2017) *Media, Culture & Society*, vol. 39, no 3, pp. 429—439 [in Eng].

26. Stetka V., Surowiec P. Mazák, J. (2019) *European Journal of Communication*, vol. 34, no. 2, pp. 121—141 [in Eng].

27. Wąsiński A., Tomczyk, L. (2015) *Children and Youth Services Review*, vol. 57, pp. 68—74 [in Eng].

28. Wood M., Bukowski W., Lis E. (2015) *Adolescent Research Review*, vol. 1, no. 2, pp. 163—173. [in Eng].

29. Yadav R., Tiruwa A., Suri P. (2017) *Journal of International Education in Business*, vol. 10, no. 2, pp. 102—129 [in Eng].

30. Young K. (2017) *Addictive Behaviors*, vol. 64, no. 1, pp. 229—230 [in Eng].

For citing: Rudenkin D.V.
Internet addiction of Russian youth:
myth or reality? // *Socium i vlast'*. 2019. № 4 (78). P. 16—28.

UDC 316.776

INTERNET ADDICTION OF RUSSIAN YOUTH: MYTH OR REALITY?

Dmitry V. Rudenkin,

The Ural Federal University
named after the first President of Russia
B.N. Yeltsin,
Associate Professor of the Department Chair
of Integrated Marketing Communications
and Branding,
Cand.Sc. (Sociology),
The Russian Federation,
620002, Yekaterinburg, ulitsa Mira, 19.
E-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru

Abstract

The article undergoes empirical testing of a widespread assumption in the scientific literature about the Internet addiction among modern Russian young people. The author notes that despite the large number and variety of Russian studies in this area, the true prevalence of Internet addiction among young Russians raises certain doubts. The problem is that the research practice that has developed in Russia is often based on the assumption that the very habit of young

people to spend considerable time on the Internet can speak of the presence of Internet addiction among young people. Arguing against this approach, the author seeks to clarify an accurate understanding of Internet addiction and to check how its signs can be traced in the real Internet behavior of modern Russian youth. In the course of the theoretical and methodological analysis, the author clarifies those signs that may be characteristic of a person with Internet addiction. Turning to the materials of his own sociological survey among the youth of Yekaterinburg (N = 1766), the author checks the extent to which these properties can be traced in the real Internet behavior of young people.

The key conclusion of the article is that the arguments about the existence of a stable Internet addiction of Russian youth are somewhat exaggerated. Many of the young Russians have indeed become active users of the Internet and spend a lot of time in it. Nevertheless, most of them do not have obvious signs of pathological inability to do without the Internet.

Key concepts:

The Internet,
internet addiction
information society,
youth,
sociological survey.